

УДК 343.1

И. В. Петров

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОДОЗРЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

На основе анализа различных научных точек зрения относительно сущности подозрения в современном уголовном процессе предпринята попытка выявить его признаки и предложить авторское определение данного понятия.

This article attempts to identify the features of suspicion and offer a definition of this concept on the basis of an analysis of different scholarly perspectives.

131

Ключевые слова: предварительное расследование, подозрение, подозреваемый, обвинение, обвиняемый.

Key words: preliminary investigation, suspicion, suspect, accusation, accused.

«Подозрение» относится к общеупотребимым терминам, но в уголовном процессе оно имеет более узкое, специальное значение. Это слово является отглагольным существительным, образованным от глагола «подозревать», означающего «предполагать виновность кого-нибудь, догадываться о предосудительности чьих-нибудь намерений, действий, поступков». Следовательно, подозрение определяется как предположение о виновности кого-либо, о предосудительности чьих-либо поступков, о нечестности чьих-либо намерений, догадка, вызванная сомнением в характере чьих-нибудь действий [1, с. 195].

В настоящее время в науке не существует единства мнений о месте подозрения в уголовном процессе. Отчасти объясняется это отсутствием легального определения данного термина, несмотря на неоднократное его упоминание в тексте Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Как отмечает Е. А. Бравилова, «отсутствие законодательного закрепления в нормах УПК РФ понятия подозрения и содержания данного этапа ведет к смешению в УПК РФ таких понятий, как подозреваемый и лицо, подозреваемое в совершении преступления, защитник и адвокат» [2, с. 15].

Невозможно говорить о качественном правовом регулировании отношений, связанных с реализацией исследуемого понятия, если до сих пор наука не выработала единообразного подхода относительно того, что представляет собой подозрение. В связи с этим проанализируем точки зрения отдельных авторов на сущность подозрения.

Н. А. Козловский утверждает, что «подозрение в уголовно-процессуальном смысле — это особая форма причастности лица к совершенному преступлению, выраженная в виде вывода органов уголовного судопроизводства и оформленного специальным процессуальным ак-

том о предположительно преступном характере его деяний и необходимости вовлечения его в сферу уголовно-процессуальной деятельности в качестве подозреваемого» [3, с. 51].

Есть ли смысл таким образом перегружать определение, из которого до конца остается неясным, является ли подозрение «формой причастности» или «выводом органа уголовного преследования», который, в свою очередь, еще оформляется специальным актом? Корректно ли вообще употребление такого выражения, как «форма причастности лица к совершенному преступлению»? Существует термин «причастность к преступлению», но нет такого понятия, как «форма причастности». Причастность к преступлению не может быть выражена в виде вывода следователя, поскольку криминальная деятельность и расследование преступления — это два антогонистичных явления, которые не могут быть объединены формой или содержанием. Кроме того, если подозрение — это «особая форма причастности», то какие существуют другие формы причастности?

132

В УПК РФ понятие «подозрение» употребляется в контексте «задержания по подозрению в совершении преступления» и «уведомления о подозрении». Если взять за основу дефиницию, предложенную Н. А. Козловским, то получится, что задерживать лицо надо не потому, что предполагается его причастность к преступлению, а потому, что установлена «форма причастности лица к преступлению в виде вывода следователя о предположительно преступном характере его действий». Вряд ли это упростит понимание правоприменителем значения термина «подозрение» при толковании текста закона. Куда более подходящей, на наш взгляд, выглядит формулировка «задержание по причине предположения причастности лица к преступлению» или «уведомление о предположительной причастности лица к преступлению».

Не менее спорной представляется точка зрения И. А. Пантелеева, который, соглашаясь в целом с позицией Н. А. Козловского, определяет подозрение как «выраженное в постановлении утверждение органа уголовного преследования о причастности лица к совершению расследуемого преступления при отсутствии достаточных доказательств для предъявления ему обвинения» [4, с. 38]. Понятно, что формула «подозрение — утверждение» непосредственно заимствована из легальной интерпретации обвинения, данной в п. 22 ст. 5 УПК РФ. Но уже здесь можно заметить противоречие суждения автора элементарной логике, ведь подозрение представляет собой гипотезу, вероятностное суждение, тогда как утверждение — это однозначный вывод. Получается, что на этапе формирования подозрения уже возникает обвинительная деятельность. Сама природа подозрения состоит в том, что мнение следователя о причастности лица к преступлению еще только предстоит проверить, чтобы обосновать обвинительный тезис, поэтому «утверждать» что-либо еще крайне преждевременно.

Таким образом, дефинирование термина «подозрение» через «утверждение» не соответствует гносеологической сущности рассматриваемого явления. Мы полагаем, что установление корреляционной зависимости подозрения и обвинения, основанной исключительно на

достаточности обвинительных доказательств, может привести к тенденциозности и необъективности расследования. Подозрение — это в первую очередь предположение, которое должно быть проверено и оценено в совокупности с другими доказательствами. Обвинение же, напротив, состоит в активном доказывании виновности, при котором вопрос о непричастности лица к преступлению, как правило, не рассматривается. На этапе поддержания обвинения процесс познания преступного события в целом завершен, а при проверке подозрения он еще продолжается. Если подозрение будет заключаться, как считает И. А. Пантелеев, в «утверждении» о причастности лица к преступлению, оно превратится в инквизиционную процедуру, что едва ли ответит требованию объективности предварительного расследования.

И. А. Пантелеев также выделяет фактическое и юридическое (процессуальное) подозрение. По его мнению, «фактическое подозрение представляет собой возникшее в сознании следователя на основе имеющихся по делу данных отношение к лицу как к причастному к совершению преступления. <...> Подозрение же юридическое не может быть иным, кроме как в форме специального правового акта, в котором выражается подозрение и, главное, которое официально предъявляется этому лицу, с этого момента приобретающему данный статус» [4, с. 11 — 12].

Нам представляется, что в идеальном значении подозрение не может быть разделено на фактическое и юридическое, поскольку оно унитарно и, возникнув у субъекта расследования, побуждает его к активным действиям, направленным на подтверждение или опровержение гипотезы о виновности. Фактическое и формальное подозрение невозможно представить и тем более проанализировать, поскольку таких понятий в отдельности не существует. «Юридическое подозрение» — это процессуальная деятельность, а «фактическое подозрение» представляет собой предположение, элемент чувственно-логического восприятия расследуемого преступного события. Очевидно, что рассматривать данные категории отдельно друг от друга нецелесообразно. Следовательно, необходимо не выделять виды подозрения, а анализировать его как систему, состоящую из нескольких компонентов. В этом отношении представляется более корректным выделить *фактическую и формальную стороны подозрения*.

Фактическая сторона подозрения — это возникшее в сознании следователя предположение о совершении преступления конкретным лицом. Юридическая сторона предполагает процессуальное оформление данного предположения с тем, чтобы ввести подозреваемого гражданина в сферу уголовно-процессуальных правоотношений. Они имманентно присущи подозрению, поскольку как личное предположение следователя о виновности не может существовать обособленно, без отражения в специальном акте, так и вынесение такого акта, ставящего гражданина в положение подозреваемого, без наличия обоснованного подозрения влечет признание данного решения противозаконным.

И. В. Пономаренко под подозрением понимает «форму уголовного преследования, образующую процессуальную деятельность избобличительного характера, направленную на установление оснований для во-

влечения лица, в отношении которого она осуществляется, в уголовное судопроизводство в качестве подозреваемого» [5, с. 196]. Данным определением автор существенно ограничил сферу действия подозрения, поскольку остается неясным, что с ним происходит уже после привлечения лица в качестве подозреваемого. Прекращается ли оно? Частично элементы деятельности по реализации подозрения возникают уже на стадии возбуждения уголовного дела, когда осуществляется проверка оснований для него в отношении конкретного лица, однако такое «подозрение» не порождает тех процессуальных последствий, которые имеют место после появления в деле фигуры подозреваемого. И вряд ли можно в данной ситуации говорить о подозрении, если даже сам следователь окончательно не установил, произошло ли преступление вообще. Подозрение возникает только после возбуждения уголовного дела, когда следователь приобретает процессуальные полномочия проверить возникшее предположение о виновности лица, а у подозреваемого, в свою очередь, появляется право на защиту. В этой связи можно согласиться с мнением М. З. Абесалашвили, что материалы, собранные в допроцессуальный период и непроцессуальными средствами, не могут служить обоснованием подозрения в отношении конкретного лица [6, с. 38].

Распространенным также считается тезис о том, что подозрение — это факультативный элемент предварительного расследования, а подозреваемого в уголовном деле может и не быть вовсе, когда лицу сразу предъявляется обвинение и оно получает статус обвиняемого [7, с. 28; 8, с. 87; 9, с. 28]. Бесспорным является тот факт, что, согласно действующему УПК РФ, присутствие в уголовном процессе подозреваемого обязательно. Однако насколько обосновано проводить подобную аналогию с подозрением?

Гносеологически познание истины по уголовному делу неизбежно проходит этапы формирования и реализации подозрения. В оперативно-следственной практике выдвижение и проверка гипотез (версий), как известно, считаются необходимыми условиями установления всех обстоятельств дела. Предварительное расследование всегда начинается не с утверждения о виновности лица (т. е. обвинения), а с построения версий о событии преступления, личности преступника и об иных обстоятельствах. Каждый установленный следователем факт ставится под сомнение как им самим, так и другим субъектом доказывания (прокурором, судом), поэтому любой вывод объективно носит приблизительный, гипотетический характер, стимулируя дальнейшее его обоснование получаемой в процессе познания информацией. В такой ситуации вызывает недоумение отсутствие в законе правила об обязательном привлечении в качестве подозреваемого лица, в отношении которого имеются данные о его причастности к преступлению. Не может расследование начинаться с обвинения, которое по своей сути всегда направлено на доказывание виновности лица, его изобличение. В отличие от него подозрение — это не утверждение, а лишь предположение, которое подлежит проверке наряду с версией о невиновности гражданина, что повышает объективность результатов расследования.

Познавательная-аналитическая деятельность, осуществляемая с момента появления повода для возбуждения уголовного дела, неизбежно приводит к формированию у субъекта доказывания вероятностного предположения о виновности одного или даже нескольких лиц. Процесс этот неизбежен. И нельзя согласиться с теми авторами, которые считают проверку подозрения факультативным элементом досудебного производства. Напротив, это закономерный и во многих случаях обязательный этап расследования преступления. Утверждение о виновности правомерно в том случае, когда субъект познания придет к абсолютному, достоверному и единственно правильному выводу о доказанности того, что преступление совершено именно данным гражданином. До этого момента следователь обязан сомневаться в каждом принятом решении и сделанном умозаключении, которые ставили бы под угрозу добропорядочность лица. Доказывание виновности и подтверждение возникшего подозрения происходит в постоянном конфликте между внутренней уверенностью следователя в своей правоте и требованием закона об обоснованности и мотивированности всех процессуальных решений. Субъект расследования, который ни разу не усомнился в истинности построенной им модели преступного события и принятого процессуального решения, рано или поздно допустит ошибку. И наиболее высока вероятность подобной ошибки как раз у следователя, сформировавшего свою обвинительную позицию, минуя подозрение как вероятностный вывод о причастности лица к преступлению, достоверность которого только предстоит доказать.

В связи с вышесказанным мы убеждены, что этап привлечения лица в качестве обвиняемого возбуждает не обвинение, как принято считать, а фактически реализует подозрение. Нельзя обвинить человека, а затем продолжить доказывать его виновность. Обвинение уже предполагает наличие доказанного тезиса, а вот подозрение еще только нужно доказать с тем, чтобы затем предъявить окончательное обвинение. Обвинять, т. е. утверждать о виновности, — это прерогатива прокурора в судебных стадиях, а на этапе предварительного расследования допускается вероятность выводов, поскольку происходит процесс познания. Различного рода теории, мнения, гипотезы только тогда становятся знаниями, когда они проверены, оценены и окончательно сформулированы. При предварительном расследовании любое утверждение будет преждевременным, так как оно требует анализа и дальнейшей проверки.

Таким образом, подозрение на первоначальном этапе раскрытия и расследования преступления является обязательным и необходимым условием дальнейшего привлечения лица в сферу уголовно-процессуальных отношений в качестве подозреваемого. Несмотря на то, что подозреваемый по действующему законодательству является факультативным участником уголовного процесса, подозрение остается обязательным элементом стадии предварительного расследования.

Попытаемся выяснить, каково содержание понятия «подозрение лица в совершении преступления» в уголовном процессе, т. е. выделим его основные признаки.

Во-первых, подозрение — это предположение, или вероятностное суждение, предварительный вывод о причастности лица к совершению преступления. Это означает, что точка зрения о виновности не носит достоверного и окончательного характера, а нуждается в дальнейшем исследовании и обосновании следователем.

Во-вторых, подозрение субъективно, поскольку является первоначальным выводом о причастности к преступлению. У следователя (дознателя) на основании внутреннего убеждения создается своя идеальная модель преступления, которая, возможно, еще не соответствует действительности и не совпадает с мысленным образом другого субъекта доказывания. В этом есть одно из отличий подозрения от обвинения. Последнее является результатом деятельности следователя и носит всеобщий характер, направленный на убеждение всех участников уголовного процесса в достоверности вывода о виновности лица. Подозрение же не ставит целью убедить прокурора, судью или присяжных в том, что подозреваемый виновен. Оно выступает лишь в качестве основания для привлечения лица в сферу процессуальных отношений на этапе познания события преступления. При достаточной обоснованности подозрения лицу может быть предъявлено обвинение.

В-третьих, подозрение всегда должно быть обоснованным. Это означает, что возникновению предположения должен предшествовать сбор и анализ доказательственной и иной информации о том, что конкретное лицо причастно к преступному событию. Так называемое «бытовое подозрение» обязательно должно быть проверено и подтверждено процессуальными средствами, а уже потом доведено до сведения подозреваемого.

В-четвертых, подозрение возникает у субъекта, осуществляющего производство предварительного следствия или дознания по уголовному делу, т. е. у следователя или дознателя. Предположения иных граждан или должностных лиц имеют для следователя рекомендательный характер и не могут считаться подозрением. Так, например, указание в заявлении о преступлении на конкретное лицо, якобы совершившее преступление, не считается безоговорочным основанием для возбуждения в отношении него уголовного дела, а требует подтверждения совокупностью данных.

Поэтому *субъектом подозрения* следует считать не лицо, способное предполагать что-либо, подозревать кого-нибудь, а того, чье решение влечет за собой определенные юридические последствия. Правом на возникновение подозрения обладает исключительно лицо, осуществляющее расследование уголовного дела, т. е. следователь или дознаватель.

В-пятых, подозрение должно иметь процессуальное оформление, что выражается в издании специального процессуального акта, ставящего гражданина в положение подозреваемого. Принятие такого процессуального решения можно назвать легализацией, или формальной реализацией, подозрения.

В-шестых, возникшее в отношении лица подозрение в обязательном порядке должно быть проверено с целью его верификации или фальсификации, т. е. подтверждения или опровержения. Поскольку подозрение представляет собой лишь вероятностный вывод, следователь

не должен ограничиваться лишь деятельностью обвинительного характера, а изучить все обстоятельства дела объективно, т. е. допускать возможность ошибочности своего умозаключения и истинности контрверсии о невиновности гражданина. В этом, в частности, основное отличие подозрения от обвинения, которое является средством обоснования необходимости признания лица виновным и привлечения его к уголовной ответственности.

Таким образом, представляется необходимым дополнить ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации п. 24.2 следующего содержания: «Подозрение – это обоснованное достаточными данными (доказательствами) предположение следователя или дознавателя о причастности лица к расследуемому преступлению, которое должно быть оформлено в порядке, установленном процессуальным законом, и подлежит дальнейшей проверке с целью подтверждения или опровержения».

Список литературы

1. *Толковый словарь русского языка* / под ред. Д. Н. Ушакова. М. 2007.
2. *Бравилова Е. А.* Об обвинении и его взаимосвязи с уголовным преследованием и подозрением // *Правовая защита: Проблемы применения современного законодательства в практике: межкафедр. сб. науч. ст.* Екатеринбург, 2004. Вып. 2. С. 8–16.
3. *Козловский Н. А.* Подозрение в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юр. наук. Свердловск, 1989.
4. *Пантелеев И. А.* Подозрение в уголовном процессе России: учеб. пособие. Екатеринбург, 2001.
5. *Пономаренко С. И.* Подозрение в совершении преступления как форма уголовного преследования // *Конституция Российской Федерации и проблемы уголовного права, криминологии и уголовного процесса: сб. науч. тр.* Волгоград, 2005. С. 191–196.
6. *Абесалашвили М. З.* Подозреваемый как участник уголовного процесса: дис. ... канд. юр. наук. Майкоп, 2005.
7. *Якимович Ю. К., Пан Т. Д.* Досудебное производство по УПК РФ (участники досудебного производства, доказательства и доказывание, возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие. СПб., 2004.
8. *Звездина Е. И.* Исторические и процессуальные аспекты развития института подозреваемого // *Право и политика.* 2007. №5. С. 86–91.
9. *Карцев А. В.* К вопросу о необходимости наделения лица статусом подозреваемого при возбуждении в отношении его уголовного дела // *Российский судья.* 2007. №3. С. 28–29.

Об авторе

Илья Валентинович Петров – ассист., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: www.petrov@bk.ru

Author

Ilya Petrov, Lecturer, IKBFU, e-mail: www.petrov@bk.ru